

всё-таки не получилось. Большевики надвигаются и заняли Белгород, покинутый сперва немцами, потом добровольческим отрядом, а затем и петлюровцами. Это самое страшное известие», — опишет общенародное настроение 25 (12) декабря 1918 года графиня **Ольга Сиверс**.

ЗАБИРАЮТ ВСЁ

В 1919 году наши земли станут ареной кровопролитной борьбы Красной армии с Добровольческой армией Деникина. В июле белгородцы подняли восстание против большевиков, свергли советскую власть и соединились с авангардом деникинской армии.

«За эти дни всё внимание людей, мучительно ждущих избавления, было по-прежнему устремлено на юг, где продвижение деникинских армий продолжалось до Белгорода, Борисоглебска и Балашова; тревога у «них» большая... Много говорят о надвигающемся наступлении с запада; но ощущать его ещё до сих пор нельзя. В Москве перестали выдавать хлеб и утешают, что неизвестно, когда выдадут», — напишет 5 июля московский историк **Юрий Готье**.

Источники утверждают, что после ухода из Белгорода большевиков в городской кассе осталось свободных денег всего 77 рублей 50 копеек. Цены подскочили на всё во много раз. Люди не могли купить даже хлеб и дрова.

Политический деятель Александр Невский так опишет отступление красных:

«Большевицкие власти уезжают, забирая всё, что возможно, везут всё на вокзал (кожи, сахар, мануфактуру). В обществе взаимного кредита взяли денег и ценных бумаг более 1 ½ миллиона. Сахар выдаётся по 2 фунта на человека, по цене 10 руб. за фунт.

...Носятся слухи о взятии Деникиным Белгорода и Харькова. Говорят, что Деникин дал знать советскому правительству: если оно при оставлении города возьмёт заложников, то он предпримет со своей стороны репрессивные меры по отношению рабочих, когда им будет занята Полтава. Узнав об этом, рабочие потребовали от советских властей немедленного освобождения арестованных, в противном случае они грозили не выпустить из Полтавы ни одного советского поезда».

ХОЧЕТСЯ ВОДКИ

Менее чем через полгода, 7 декабря, армия Деникина вынуждена будет вернуть Белгород большевикам. *Этот факт зафиксирует в своём дневнике Никита Окунев:*

«Взяты Пирятин и Белгород. Рост цен на всё, на всё неумолимо продолжается: молоко 130 руб. кружка, сахар 1 200 руб., одна стеариновая свечка 250 руб., керосин 240 руб. фунт, хлеб 200 руб. фунт, дрова на рынках за мешок 700 руб., сено 1 000 руб., овёс 4 000 руб. (так что «харч» лошади в день обходится 3 500 руб. — кроме содержания извозчика, экипажа и сбруи: вот тут и удивляйся недостаточности извоза!), спирт 5 000 руб. за

бутылку, картошка 50 руб. фунт, пшено 250 руб., ржаная мука 9 000 руб., спички 50 руб. коробок, масло коровье 1 700 руб., подсолнечное 1 300 руб., восьмушка махорки 100 руб., валенки 8 000 руб., коровье мясо 400 руб. фунт, конина 150 руб. фунт, соль 400 руб. и только капуста, слава богу, как будто не дорога — 15 руб. фунт.

Хочется выпить водки, закустис сёмгой, но приходится питаться чаем, картошкой, чёрным хлебом, капустой и пшённой кашей, и благодарим Создателя за такое питание, а насчёт водки и сёмги это я только пошутил. Говорят, что есть люди, зарабатывающие теперь полмиллиона рублей в месяц, так те вот и пьют водку, а я пока что получаю в месяц такое жалованье, которого хватит лишь на покупку одного валяного сапога...».

Деникинцы вынуждены спасаться, чтобы избежать расстрела. *Участник добровольческой армии Георгий Орлов 11 декабря записал:*

«По сводке нами оставлены Грайворон, Белгород, Волчанск, Богодухов, Мерки, последняя станция на линии Харьков — Полтава, т. е. на юго-западе — западе от Харькова. Говорят, что все последние дни в Харькове среди населения царил здоровая паника. За возможность достать билет на юг платили десятки тысяч рублей. Рассказывают, что какой-то спекулянт заплатил даже 400 000 рублей за спальное место. Печально то, что на этих билетах спекулировали главным образом харьковские офицеры. Воображаю, как разбогатели там офицеры контрразведки. Какая мерзость, низость и пакость. С тёплой одеждой

на фронте совсем скверно. Говорят, что чуть ли не 75% выбывших из строя прибывают с отморозенными конечностями...».

УЖАСНЫЙ РОВ

После Гражданской войны промышленность Белгорода потихоньку начала возрождаться. Уже к 1926 году она достигла довоенного уровня. В 30-х годах возводится котлостроительный завод, расширяется сеть учебных и медицинских учреждений, увеличиваются темпы строительства жилья, повышается качество транспортной связи.

«Вот и Белгород, где мы выходим погулять. Немного пахнет югом и весной, но дует холодный ветер. Сколько раз проездом через Белгород мы ели здесь знаменитые белгородские щи, которыми славился этот вокзал», — опишет своё путешествие 7 марта 1927 года композитор **Сергей Прокофьев**.

Но страшные отголоски тех событий красной нитью проходят в личных записях людей вплоть до Великой Отечественной войны. В 1935 году в заболоченной пойме Северского Донца начали строить электростанцию, и людям впервые показали фильм «Чапаев».

Но поэтесса Варвара Малахова-Мирович вспомнит на страницах своего дневника отнюдь не это:

«2-й час ночи. Гостиная Аллы. Так вот отчего у Бориса (Ольгин брат) такая залежь скорби и оттенок безумия в улыбающихся глазах. Он порассказал сегодня о походе от Воронежа до

Пензы, когда за красными гнался Мамантов. Ему было тогда 18—19 лет, но он был уже комиссаром и стоял почти ежедневно лицом к лицу со смертью и со всеми ужасами Гражданской войны.

Рассказывал о взрыве мостов, о прокладке каких-то воздушных сооружений на месте их, по которым по одному прогоняли вагоны. О том, как стонали, бредили и выли на дороге умирающие сыпнотифозные («на них наступали...»). О том, как он случайно наткнулся на близкого знакомого среди таких полутрупов и ташил его на себе до станции. Об ужасном рве в Белгороде, полном расстрелянными заложниками и пленными. О том, как такими заложниками был наполнен целый товарный поезд, потом облит керосином и подожжён (кажется, это сделал генерал Маевский).

И когда повышена температура, вспоминается всё это, но прежде всего — убитая молодая женщина — ветер откинул в сторону волосы и платье. На груди одно небольшое пятнышко — след пули. А когда после всей этой фантазмагории приехал домой в надежде отдохнуть в семье (крепко сплочённой, с очень любимой матерью в центре), в квартире его встретили вопросом: вам кого? И рассказали, что тут живут уже другие, что мать умерла, братья и сестра неизвестно где. Потом встретил брата и едва узнал его — так огул и пожелтел от голода. Так было. И когда рассказывал о возвращении домой, о смерти матери, засмеялся странным смущённым смехом, а в глазах сияли скорбь и слёзы». БП